

**ДОСТОЕВСКИЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
(1881—1917)**

Взаимоотношения русских писателей с цензурными инстанциями царской России — важная и интересная тема, ибо существенно не только восстановить первоначальный авторский замысел и проследить судьбу произведения после его завершения, но и выяснить позицию государственной власти, отношение ее к отдельным представителям отечественной культуры, ценностям, этой культурой созданным.

Исследование механизма цензурного ведомства, характера и направленности его мероприятий позволяет оценить действия властей, которые иногда диктуются не столько трезвым стратегическим расчетом, сколько социальным инстинктом. Инстинкт этот, «бдительность высшего порядка», оказывался зачастую роковым для произведения, созданного автором, казалось бы, с вполне «благонадежной» репутацией. Охранительный инстинкт действовал в подобных случаях независимо от такой репутации и в конечном счете приводил к цензурному вмешательству или запрещению.

Достоевский умер в разгаре всероссийской и на пороге мировой славы. Казалось бы, обстоятельство это, равно как и закрепленная за автором «Бесов» «падежная» политическая репутация, гарантировали посмертные издания Достоевского от каких бы то ни было цензурных посягательств.

Но дело обстояло не столь просто.

Приводимые ниже материалы, извлеченные главным образом из ленинградских архивохранилищ, позволяют проследить отношение к Достоевскому со стороны цензурного ведомства после его смерти, выяснить социальную и психологическую мотивацию запрещения некоторых из произведений писателя, схватить, так сказать, саму динамику административной мысли.¹

Значительная часть документов разыскана нами в архивах министерства народного просвещения: в обязанности его Ученого комитета, высочайше учрежденного в 1856 г., входило «предупреждение распространения в публике таких издаваемых частными людьми всякого рода учебных книг и руководств <...> кои по

¹ В качестве отдельных попыток в этом направлении можно назвать лишь небольшую заметку А. В. Блюма «Ф. М. Достоевский и педагогическая цензура» (Советские архивы, 1971, № 5, с. 96—98) и публикацию В. К. Лебедева «„Братья Карамазовы“ перед лицом цензуры» (Русская литература, 1970, № 2, с. 123—125).

своему достоинству не заслуживают одобрения и не обещают той пользы, какой от издания сего рода желать надлежит».²

Законодательство 1860-х годов о печати не затронуло прерогатив этого органа; более того, созданный в 1869 г. особый отдел Ученого комитета постепенно сосредоточивает в своих руках цензуру всех книг для так называемого «народного чтения», а также всех сочинений, поступающих в библиотеки низших и средних учебных заведений. Изучение журналов заседаний Ученого комитета даст весьма интересные сведения о таковой его деятельности, и Достоевский не был обойден вниманием этого учреждения.

8 марта 1885 г. (т. е. спустя четыре года после смерти писателя) особый отдел Ученого комитета рассматривал две брошюры: одна содержала рассказы «Столетняя» и «Мужик Марей», вторая — «Мальчик у Христа на елке» (все из «Дневника писателя» 1876 г.).³ Вопрос о допущении этих рассказов в библиотеки средних учебных заведений и народные школы был представлен на усмотрение тринадцати членов Ученого комитета.⁴ О рассказах Достоевского давал заключение И. П. Хрущов.⁵ «Оба эти рассказа, — сказал он о «Столетней» и «Мужике Марее», — составляют счастливое исключение из тех отрывков и рассказов из произведений Достоевского, которые включены были в книгу О. Миллера „Русским детям из сочинений Достоевского“. Исключительный характер рассказов состоит в том, что в них не очерчивается мир страданий, порожденных особого рода развратом и преступными деяниями целой среды, в которой действуют надорванные люди, будущие преступники».

Кратко изложив содержание «Мужика Марей», докладчик ставит в заслугу автору, что в этом рассказе «отражено мягкое, ласковое чувство грубого и черствого на вид мужика».

Но одобрительно в общем оценив рассказ, Хрущов отмечает некоторые досадные, на его взгляд, отступления от «правды жизни»: «Автор как бы особенно умиляется тому, что крепостной, не думавший и не гадавший тогда о свободе крестьянин, был исполнен нежности к барчонку. Мы не разделяем этого удивления: никого так не любили искренно крестьяне, как детей своих господ. Не раболепство городской дворни, а свежая, непритворная

² Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1862, с. 19.

³ См.: ЦГИА СССР, ф. 734, оп. 3, 1885 г., д. 54 л. 150—154.

⁴ На заседании присутствовали: А. Н. Майков, А. И. Георгиевский, К. К. Свят-Илер, Т. А. Маевский, П. А. Анши, И. П. Хрущов, А. Д. Дмитриев, А. А. Радонежский, В. Я. Стоюнин, кн. М. Р. Кантакузел, М. В. Родевич, В. И. Шемякин, А. И. Теодорович.

⁵ Хрущов Ивип Петрович (р. 1841) — публицист, в 1870—1878 гг. занимал кафедру русской словесности в Киеве, с 1879 г. — член Ученого комитета, председатель комиссии по устройству народных чтений. В 1896—1899 гг. — попечитель харьковского учебного округа.

ласка и любовь мужиков обдавала господских детей, когда они приезжали в село свое», — так завершает Хрущов разбор «Мужика Марей».

Благосклонность проявил докладчик и в отзыве о «Столетней»: «Тут все мягко, задушевно, гуманно, потому опять является повод назвать этот рассказ в библиотеки детей средних учебных заведений». Правда, рекомендуя таким образом упомянутые произведения Достоевского, Хрущов дает понять, что он делает это с нелегким сердцем: «Для народного училища не вполне подходят оба рассказа. Это восхищение мужичком, приголубившим ребенка, равно как этюд мещанской сцены, утратят всю тонкость намеков в среде людей простого быта, почему едва ли будут занимательны».

Однако подобные мелкие замечания служили на деле главным образом цели оттенить тонкость эстетического чутья самого докладчика. Скепсис же последнего относительно третьего рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на елке» носит уже совсем иной характер. «Об этом произведении Достоевского, — заявляет Хрущов, — мне пришлось высказываться печально по поводу составленного для детей подбора выдержек из сочинений Достоевского под названием „Русским детям из сочинений Достоевского“ („С.-Петербургские ведомости“, 1884 г.). Я нашел тогда этот рассказ вполне невозможным для детского чтения. <...> По замыслу рассказа принадлежит к направлению обличительному. Обличитель обобщает ненормальный, быть может возможный, по исключительный случай замерзания ребенка. Русский мороз берет себе чистую невинную жертву».⁶

Докладчик прибегает к следующей, вполне убедительной, на его взгляд, аргументации: «В Москве и повсюду елки не устраивают никогда под праздник во время всеобщей и тем паче накануне рождества. Елки в наших заграничных семействах те же, что детский бал, и поэтому религиозному чувству нашему крайне неловко приспособиться к поэтическому изображению елки для загубленных детей на небе у Христа. Елка, кругом которой вместо украшений витают души задохнувшихся, умерших голодной смертью, замерзших детей, имеет в себе что-то уголовное, страшное, почему и писатель заставляет матерей этих детей плакать около елки, плакать там, где нет печали и воздыханий».

Желая придать своей точке зрения еще большую неопределенность, Хрущов обращается к фольклору и приводит «народную притчу» о злой мачехе, которая оставляет в лесу несчастную падчерицу: «Приходит Мороз, здоровается с девушкой; та отвечает: „Мороз, Мороз! Христос тебя нанес“ <...> Таким образом, — победоносно заключает докладчик, — одно имя Христово спасает от напрасной смерти. У Достоевского смерть от мороза есть

⁶ В настоящем случае Хрущов имеет в виду отдельное издание: Мальчик у Христа на елке. Рассказ Ф. М. Достоевского. СПб., 1885.

благо <...> Но беспристрастно вникая в идею Достоевского, мы бы зашли далеко».

Хрущов все же попытался как-то извинить автора: «У талантливого писателя была цель, и цель добрая, высокая». Но, по мнению докладчика, благие намерения не искупают педагогических грехов: «Достоевский мог любить детей, но менее подходящего к детскому возрасту писателя не существует». Еще долгие десятилетия эта формулировка будет верно нести свою службу, ограждая умы русского юношества от «проклятых вопросов» Достоевского.

Социальный смысл попечительства цензора о подрастающем поколении особенно ясно выступает наружу, если обратиться к заключительным словам доклада Хрущова: «А что до детей простого народа, то тут еще есть и другое обстоятельство. Нужно ли это сопоставление <богатства> и неприкрытой бедности, отчаянное положение искусанного морозом и замерзшего за дровами мальчика и утехи и радости столичных детей на елке. По мнению моему, рассказ этот не для детей, и никак уж не для низших училищ».

В полном единомыслии с докладчиком особый отдел Ученого комитета определил: «Согласиться с мнением Хрущова, о чем и представить на благоусмотрение его сиятельства г-на товарища министра народного просвещения».

Спустя десять лет педагогическому начальству вновь пришлось высказать свое суждение по поводу сочинений Достоевского. И хотя к тому времени существенно изменился персональный состав особого отдела Ученого комитета,⁷ в деятельности этого министерского органа сохранилась известная последовательность. В протоколе заседания от 20 сентября 1896 г.⁸ зафиксировано: «Слушали (ст. 1) доклад члена *Аверкиева*⁹ <...> о рассмотрении и одобрении для употребления в училищах <...> отрывков из сочинений Ф. М. Достоевского: 1) „Представление“ (из „Записок из Мертвого дома“) <...> 2) „Летняя пора“ (из „Записок из Мертвого дома“) <...> 3) „Верующие бабы“ (из романа „Братья Карамазовы“) <...> 4) „В барском папсоне“. Из романа „Подросток“ <...>. «Всем известны достоинства сочинений Достоевского, — пишет Аверкиев, — но известно также, что далеко не все произведения самых знаменитых писателей удобны для чтения детей

⁷ Помимо уже знакомых нам П. А. Аннина и А. Д. Дмитриева, на этом заседании присутствовали В. Н. Хитрово, А. У. Кочетов, А. Г. Филонов, И. П. Зверев, В. В. Федоров, Д. В. Аверкиев, В. А. Семка.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 734, оп. 3, 1896 г., д. 78, л. 1459—1462.

⁹ Любопытно, что докладчиком на этот раз выступал не кто иной, как драматург, сотрудник Достоевского по журналу «Эпоха» Д. В. Аверкиев; отношения с Аверкиевым сохранились у писателя до конца жизни. В чине титулярного советника Аверкиев был с 1892 г. причислен к Министерству народного просвещения (см.: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1897 г. СПб., 1896).

школьного возраста». Слух последних, по мнению Аверкиева, могут оскорбить такие ужасные «резкости и неприличия», как «вишь, подлая» и «бабенка от мужа погуливает».

Далее следует заключение Аверкиева об отрывках из «Записок из Мертвого дома». «„Представление“ и „Летняя пора“ знакомят с бытом каторжных, и хотя в обоих отрывках этот печальный мир изображен с наименее мрачной стороны, тем не менее я полагаю, что нет причины желать ознакомления детей школьного возраста с бытом каторжных былых времен».

Характеризуя предлагаемый отрывок из «Братьев Карамазовых», Аверкиев довольно прозрачно намекает на несоответствие отдельных моментов романа ортодоксальной православно-христианской доктрине: «Одна женщина убивается о смерти малютки-сына, и старец утешает ее. Другая кается в убийстве большого мужа; старец, утешая ее, говорит между прочим: „Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь воистину кающемуся“. Не знаю, насколько это согласуется со словами Спасителя: „Кто скажет слово на духа святого, тому не простится ни в сем веке, ни в будущем“ (Матв., 12, 32)» «Вообще, — заканчивает Аверкиев, — отрывок этот по своему содержанию, по моему мнению, превышает понимание крестьянских детей школьного возраста».

Аверкиева будто бы прежде всего заботят интересы маленького читателя. Но крайне интересно сопоставить его суждения по этому поводу с решением С.-Петербургского цензурного комитета, касавшимся отрывка из тех же «Братьев Карамазовых». Отрывок этот под названием «Рассказ старца Зосимы» предназначался издательской фирмой «Посредник» для народного чтения (т. е. и для *взрослого* читателя). В цензурском определении 1886 г. по поводу этого отрывка совершенно недвусмысленно указывалось, что он «не дозволен к напечатанию вследствие заключающегося в нем мистически-социального учения, несогласного с духом учения православной веры и церкви и существующим порядком государственной и общественной жизни».¹⁰ Нельзя не отметить в данном случае удивительного единодушия как «взрослой», так и «детской» цензуры.

Примечательно, что не одобрил Аверкиев и фрагмент из «Подростка»: «Действие происходит в среде, слишком непохожей на крестьянскую, а потому рассказ во многом будет непонятен для крестьянских детей школьного возраста». Очевидно, почтенный автор «Каширской старины» полагал, что крестьянским детям могут быть доступны лишь сюжеты, не выходящие за сословные рамки идеализического сельского быта.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 3, 1886 г., д. 57, л. 86. См. также: Лебедев В. К. «Братья Карамазовы» перед судом цензуры. — Русская литература, 1970, № 2, с. 124.

Негативно оценив все четыре отрывка из произведений Достоевского, Аверкиев как бы нечаянно вспомнил о своей принадлежности к цеху изысканной словесности. Поэтому его выводы не вполне последовательны: «Указывая на непригодность перечисленных рассказов для ученических библиотек народных школ, я полагаю, что они могли быть допущены в народные читальни, куда уже открыт доступ для полного собрания сочинений Достоевского».

Но на этот раз члены особого отдела Ученого комитета не сочли возможным допустить подобную двусмысленность — и их решение оказалось радикальнее половинчатых предложений докладчика. Оно гласило:

«*Определено:* признать все вышеназванные брошюры непригодными ни для ученических библиотек учебных заведений, ни для народных читален <...>».

Пелогичность этого решения очевидна: ибо *собрание сочинений* Достоевского уже было допущено в народные читальни. Поэтому не прошло и года, как министерство попыталось исправить свою оплошность.

Еще в 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов наложил на докладе Ученого комитета следующую резолюцию: «Не могу не заметить, что окружным начальствам давно следовало бы обратить внимание на библиотеки учебных заведений и остановить выписку на казенные деньги частью пустых по содержанию, а частью в высшей степени вредных по направлению книг, что нередко, к сожалению, имеет место, как ясно видно из доставленных в министерство списков книг, приобретенных учебными заведениями».¹¹

Во избежание подобных неувязок и дабы сосредоточить надзор за народным чтением в одних руках, 4 февраля 1888 г. состоялось высочайшее повеление, согласно которому в бесплатные народные читальни отныне могли быть допущены только книги и периодические издания, предварительно одобренные Ученым комитетом.

Ученый комитет рьяно взялся за дело. В 1896 г. был выпущен первый каталог книг, рекомендованных для народного чтения, в который оказалось включенным и Полное собрание сочинений Достоевского! Циркулярным письмом Министерства народного просвещения от 31 августа 1896 г. каталог был препровожден к попечителям учебных округов на отзыв. Многие местные деятели, к удивлению и неудовольствию петербургских чиновников, выстали в встречным предложением — о предоставлении попечителям учебных округов собственной властью допускать те или иные книги в бесплатные народные читальни. А попечитель Западносибирского учебного округа, тайный советник В. М. Флоринский осмелился даже представить в министерство «список книг

¹¹ Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения, с. 119.

и изданий, коими, по мнению подведомственных ему, попечителю округа, училищных начальств, вполне им разделяемому, желательно было бы дополнить упомянутый каталог». ¹² В этом сибирском каталоге оказались и отдельные произведения Ф. М. Достоевского.

Нежелательная, с точки зрения петербургских педагогических властей, местная инициатива вызвала волнение в канцеляриях Министерства народного просвещения. 27 марта 1898 г. этот вопрос обсуждался на заседании особого отдела Ученого комитета, ¹³ на котором со специальным докладом выступил П. А. Аннин. Со всей решительностью отверг он «дерзкое» предложение своих не в меру либеральных коллег на местах: «Предоставление управления учебных округов права разрешать собственной властью допущение в народные читальни тех или других книг повело бы в оценке пригодности или непригодности книг для сих читален к <...> разноречию и даже противоречию между учреждениями одного и того же ведомства, т. е. учебного <...> Указанное разноречие и противоречие особенно неизбежны были бы в настоящее время, когда по новости дела руководства народа по части чтения и в самом учебном ведомстве <...> не установился еще определенный и правильный взгляд на состав и потребности того круга читателей, для которого предназначаются бесплатные народные читальни».

Включение в каталог произведений Достоевского вызвало наибольшее возмущение докладчика; эта прискорбная оплошность объясняется, по его мнению, «недостатком определенности и правильности взгляда на цель бесплатных народных читален».

«Составители списка, — продолжает Аннин, — предполагают допустить в бесплатные народные читальни все отдельные издания сочинений Достоевского, коего полное собрание сочинений допущено Ученым комитетом. Это последнее обстоятельство, т. е. допущение Ученым комитетом в народные читальни полного собрания сочинений Достоевского, послужило, вероятно, и основанием или поводом к упомянутому предложению составителей списка. Мне кажется, что полное собрание сочинений Достоевского попало в каталог книг для народного чтения по какому-нибудь недоразумению. Как бы то ни было, но полное собрание сочинений Достоевского, по моему мнению, не должно значиться в каталоге книг для бесплатных народных читален, которые, как справедливо выяснил особый отдел на заседании 23 января с. г., предназначаются для таких лиц из низших слоев или сословий населения империи, которых образование в подавляющей массе не выходит за

¹² ЦГИА СССР, ф. 734, оп. 3, 1898 г., д. 84, л. 768.

¹³ См.: там же, л. 761—772. — На этом заседании, в частности, присутствовали: К. К. Слущевский, Н. А. Майков, А. Ф. Соколов, В. Н. Хитрово, А. А. Радонежский, А. Ф. Селиванов, В. А. Семена, Д. В. Аверкиев, Е. П. Ковалевский и др.

пределы курса начального народного училища. Не принимая на себя задачи и не считая нужным в доказательство моего мнения входить в разбор не только всех, но и главнейших из сочинений Достоевского, я ограничусь лишь некоторыми замечаниями относительно их с точки зрения пригодности для бесплатных народных читален.

Из всех наших писателей по изящной словесности Ф. М. Достоевский представляет собой, т. е. своими сочинениями, предмет едва ли не наиболее сложный и трудный для понимания и потому вызвавший весьма разнообразные, иногда диаметрально противоположные взгляды на него в нашей критической литературе, замеченной между прочим, что к произведениям Достоевского нужен комментарий».

Для того чтобы подкрепить свое негативное отношение к произведениям великого романиста, Аннин подбирает цитаты из статей самых различных авторов — от Белинского до Чижка и от Гоговина до Писарева и Страхова.

Любопытно, как использует докладчик высказывание Писарева о Соне Мармеладовой. Он приводит следующие слова критика: «Какой же голос эта девушка должна принять за голос совести, тот ли, который ей говорил: „Сиди дома и терпи до конца; умирай с голоду вместе с отцом, с матерью, с братом и сестрами, но сохраняй до последней минуты свою нравственную чистоту“, или тот, который говорил: „Не жалей себя, отдай все, что у тебя есть, продай себя, но спаси, утешь, накорми и обогрей этих людей хотя на неделю, во что бы то ни стало“. Я сам должен сознаться, что перед таким вопросом я стапояюсь в туник». «Читатели, которых мы имеем в виду, — восклицает в связи с этим Аннин, — встанут в туник не только перед пониманием характера или личности Раскольникова и поступка девицы Мармеладовой, но и перед пониманием смысла или идеи самого романа „Преступление и наказание“. С другой стороны, прежде чем прийти к такому или иному пониманию смысла этого романа, озапечного рода читатели успеют достаточно ознакомиться с тою упомянутою выше теориею, которая привела Раскольникова к убийству». Аннин опасается того, что неопытные читатели, вооружась топорами, немедленно последуют примеру героя «Преступления и наказания».

Затратив немало усилий, чтобы огрadyть читателя из народа от величайшего из романов Достоевского, докладчик переходит к «Братьям Карамазовым». Это произведение также отнюдь не вызывает у Аннина энтузиазма: «Что в нем найдет обычный посетитель народных читален? — Найдет: между прочим ряд эксцентрических личностей, каков особенно помещик Федор Карамазов, пьяница, самодур, безбожник и развратник <...> Найдет читатель ряд эксцентрических рассказов или разговоров...».

Не только обилие в «Братьях Карамазовых» «отрицательных персонажей» угнетает докладчика. Его волнует и другое: «Найдет читатель длинный ряд мыслей и суждений по разным вопросам

философско-богословским и церковно-гражданским. По этим вопросам в романе беседуют и философствуют большей частью вкривь и вкось, забираясь при этом в непроходимые дебри отрицательного или кощунственного глубокоумствования и словоизвращения: и лакей, и забубенный кутила, и оскотинившийся развратник, и публичная женщина, и мальчик-гимназист (Коля Красоткин), который, между прочим, высказывает: „Я социалист“ или „Христианская вера послужила лишь богатым и знатным, чтобы держать в рабстве низший класс“. До каких эксцентричностей доходят разговоры или рассуждения по означенным вопросам, может служить образчиком то место в поэме „Инквизитор“, сочиненной Иваном Карамазовым, где старый Инквизитор, обращаясь к Спасителю, говорит: „Завтра сожгу тебя“.

На первый взгляд, можно было бы заключить, что педагогическому вкусу Аннина претят главным образом «отрицательные» персонажи романов Достоевского, ибо, по собственным его словам, «сдва ли у кого из писателей, по крайней мере наших, выступают так часто на сцену люди, являющиеся или развратниками, или преступниками, или проповедниками разного рода ложных воззрений, или же эксцентриками». Но оказывается, что докладчика не устраивают и герои, изображенные Достоевским «со знаком плюс», равно как и защищаемая этими героями позитивная программа.

Аннин утверждал: «Читателям, которых мы имеем в виду, трудно разобратся не только в хитроумных суждениях светских лиц романа, но и в поучениях или наставлениях старца Зосимы, являющегося в романе предтечей или выразителем положительного образа мыслей. Так, например, по смыслу романа автор осмеивает светский или гражданский суд. Соответственно этому и старцу Зосиме автор усвоит воззрение, направленное против сего суда. Или по смыслу наставления Зосимы спасение для человека — жизнь в уединении, в монастыре. Но в то же время старец Зосима настоятельно советует Алексею Карамазову, поступившему в монастырь, оставить последний и жить в мире. <...> Наконец, вообще старец Зосима является в романе теоретиком или созерцательным мистиком».

Но без ловкости Аннин опирается на традиционную отрицательную оценку позитивных идей Достоевского либерально-буржуазной и народнической публицистикой (образ Зосимы и т. д.). Уже сама неоднозначность подхода к Достоевскому представителями различных общественных кругов служит в устах Аннина лишним доводом в пользу недопущения писателя к грамотным слоям простонародья: «Трудность понимания и разнообразие взглядов оказывается не только при общей оценке Достоевского и определении его основных идей или его идеала, но и при разборе отдельных из глав его художественных произведений, и даже при разборе отдельных лиц в таких произведениях. Если же понимание Достоевского представляется трудным для литературных

критиков, людей в общем гораздо более образованных и более подготовленных для понимания художественных или словесных произведений, чем посетители народных библиотек и читален, то можно себе представить, какую трудность должны встречать читатели этого рода в понимании сочинений Достоевского и какие превратные понятия и убеждения могут сложиться у них под влиянием чтения романов, повестей и рассказов Достоевского».

Докладчик, как и его предшественники, высказывает довольно острое социальное чутье: доводы, продиктованные государственным инстинктом, оказываются в глазах Ученого комитета решающими. «В сочинениях Достоевского есть множество указаний на такие явления в нашей жизни, вина которых падает на правительство или вообще на существующие порядки. По означенные указания, ценные для правительства и вообще полезные для более подготовленных читателей, чем масса, посещающая народные читальни, на последнюю могут действовать лишь раздражающим образом, так как не от нее зависит воспользоваться указаниями для применения их к делу <...> Если все это так, то спрашивается, зачем же читателям из того круга людей, которых мы имеем в виду, предлагать такие сочинения, в которых есть немало страниц, могущих уложить в постель, в которых изображаются герои без руководящих начал, причем в значительном числе — душевнобольные или близкие к этому состоянию, и которые, по признанию самого автора, написаны недостаточно обдуманно и потому являются иногда дикими?».

Ответ на вопрос цензором был дан вполне определенный: «На основании всего вышесказанного, мне кажется, следует прийти к такому заключению: мнение тайного советника Флоринского о предоставлении попечителям округов права собственной властью разрешать допущение книг в бесплатные народные читальни отклонить, причем выразить желание, чтобы изъявленному выше предложению об учреждении особого комитета по цензуре сочинений, предназначенных для народа, если г-ну управляющему Министерством народного просвещения угодно будет одобрить это предложение, дав ему надлежащий ход <...> Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, значащееся ныне в каталогах книг для сих читален, исключить из него при следующем издании этого каталога».

Управляющий министерством утвердил определение особого отдела Ученого комитета. Его резолюция гласила: «Согласен, кроме вопроса об особом комитете по цензуре, который требует еще дальнейшего обсуждения».

Полное собрание сочинений Достоевского было отныне изъято из бесплатных народных читален, а отдельные произведения туда не допущены, как ранее не были они допущены в ученические библиотеки. Несомненно, что этой мерой был ограничен доступ к Достоевскому читателей из народа. Просмотренные нами обширные каталоги рекомендательной литературы, относящиеся к на-

чалу XX века, не содержат ни одного произведения Достоевского.¹⁴

Только настойчивостью и предприимчивостью вдовы писателя А. Г. Достоевской, время от времени возобновлявшей свои ходатайства перед различными инстанциями, можно объяснить то обстоятельство, что некоторые крайне немногочисленные произведения Достоевского все же просачивались в библиотеки учебных заведений. Несогласованность и расхлябанность громоздкого бюрократического аппарата давали себя знать. И тут большое значение приобретал персональный момент — в чьих руках оказывалось дело. Вот одно из прошений А. Г. Достоевской, которое нам удалось разыскать:

«В Училищный совет при святейшем Синоде вдовы подпоручика Анны Григорьевны Достоевской

ПРОШЕНИЕ

Препровождая при сем изданные мною отрывки из сочинений моего покойного мужа под названием 1) „Мужик Марей“, „Столетняя“, цена 10 коп. 2) „Верующие бабы“, цена 5 коп. 3) „Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста, изданный под редакцией Вл. Я. Стожнина“, цена два рубля, имею честь просить Училищный совет при святейшем Синоде рассмотреть и, буде книжки окажутся достойными, разрешить к употреблению в библиотеках церковно-приходских школ. Считаю нужным присовокупить, что из этих книг „Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского“ и „Мужик Марей“ вошли в список книг, разрешенных Министерством народного просвещения к употреблению в ученических библиотеках городских училищ по положению 31 мая 1872 г. и в учительских библиотеках начальных школ (ЖМНП, август 1895 г.). Кроме того, „Мужик Марей“ одобрен для библиотек средних учебных заведений и собственною е. и. в. канцеляриею рекомендован для чтения в сельских и патриотических школах и в приготовительных классах женских учебных заведений. Книжка „Верующие бабы“ также допущена для чтения в учебных заведениях ведомства учреждений императрицы Марии. Ввиду того, что цена моих изданий может считаться высокою, я могу сделать для церковно-приходских школ уступку в 40% и при следующих изданиях предполагаю понизить цену. Имею честь представить

¹⁴ См., например: Список книг, разрешенных Министерством народного просвещения (с июля 1900 г. по июль 1902 г.) для публичных народных чтений, бесплатных библиотек, читален, ученических и учительских библиотек низших и средних учебных заведений. Издание Тверского губернского земства (неофициальное). Тверь, 1902 и аналогичный каталог за 1904 год.

вышеозначенные книги в двух экземплярах каждый и приложить две гербовые марки 80-копеечного достоинства.

Апреля 1896 г.

Вдова подпоручика Анна Григорьевна
Достоевская

Жительство имею: СПб. Троицкая, д. 26, кв. 3». ¹⁵

Ответ Синода от 25 ноября 1897 г. (за № 4153) гласил:

«Г-же издательнице книг <...>

вдове подпоручика Анны Григорьевны
Достоевской.

Журнальным определением Училищного совета при святейшем Синоде от 22 ноября 1897 г. за № 715, утвержденным г-ном обер-прокурором святейшего Синода, ходатайство Ваше об одобрении для церковно-приходских школ изданных Вами вышеназванных книг отклонено, о чем Училищный совет сим Вас уведомляет». ¹⁶

Усилия А. Г. Достоевской оказались тщетными. Не помогло даже близкое знакомство просительницы с самим обер-прокурором святейшего синода — К. П. Победоносцевым (который, кстати сказать, состоял официальным опекуном ее детей!). «Духовное здоровье» русского юношества оказалось для Победоносцева несравненно дороже интересов отдельной, даже опскаемой лично им семьи...

Хотелось бы остановиться еще на одном, более раннем эпизоде, связанном с духовным ведомством и характеризующим отношение этого учреждения к Достоевскому. Вот документ, обнаруженный нами также в делах синодального архива и относящийся еще к 1879 г.:

«В СПб. комитет духовной
цензуры члена архимандрита Иосифа

Записка

В пятой главе 2-ой части романа г-на Достоевского рассматривается вопрос об отношении церкви к государству с *римско-католической точки зрения*.¹⁷

Но так как на страницах 737 и 738 сделаны указания на некоторые памятники церковной письменности и даже на життя православных святых без должного к ним уважения [к пра-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 803, оп. 1, 1896 г., д. 2127, л. 1—4 об.

¹⁶ Там же, л. 2.

¹⁷ Эти слова подчеркнуты в тексте карандашом.

вославленной нашей церкви], то без исключения этих мест означенная глава романа неудобна для публичного чтения.

Архимандрит Иосиф
Декабря 24 дня 1879 г.»¹⁸

30 декабря 1879 г. Достоевский выступил с чтением главы «Великий инквизитор» (именно она и составляет указанную в записке архимандрита Иосифа V главу из пятой книги второй части «Братьев Карамазовых») на литературном утрене в пользу студентов С.-Петербургского университета (см.: 15, 388, 518). 21 марта 1880 г. Достоевский сообщил В. П. Гаевскому: «Сам попечитель <М. С. Волконский> присутствовал на чтении. Но после чтения он мне объявил, что, судя по произведенному впечатлению, он, впредь, мне его запрещает читать» (II, IV, 133).

Имя Достоевского вызывало неизменно идейную полемику как при жизни писателя, так и после его смерти. Различные общественные группировки стремились представить автора «Преступления и наказания» своим духовным союзником. В этом отношении любопытен еще один документ, извлеченный нами из фондов Министерства народного просвещения:

«В заседании особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения 10 мая 1902 г. слушали (ст. VI): отзыв члена Н. А. Майкова о книжке: „Русские писатели. Маленькая хрестоматия (№ 7) VII. Составил К. Говоров“. <...> Из перечисления вошедших в книгу статей видно, что подбор сделан совершенно случайно,¹⁹ равным образом случайны и сведения о писателях и, кроме того, не всегда верны, и некоторые совершенно излишни. Так, в статье о Достоевском можно было и не упоминать о причине ссылки его, так как без разъяснения, какое значение имела эта ссылка на Федора Михайловича в смысле существенного изменения его убеждений, такое упоминание может повести к превратным толкованиям, особенно в среде читателей с известным настроением. Далее в той же статье сказано, что Достоевский „особенно любил учащуюся молодежь“. Достоевский особенно строго и несочувственно относился к беспорядкам в высших учебных заведениях, которые производились учащеюся молодежью, и постоянно осуждал ее за склонность к участию в разных подпольных движениях, и если искал сближения с ней, то ради влияния на нее (годы издания „Дневника писателя“). Вообще Достоевского в некоторых кружках почему-то считают в рядах не только либерального, но

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 807, оп. 2, ед. хр. 1629, л. 16.

¹⁹ В книгу вошли произведения Достоевского («Мужик Марей»), И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. М. Горького, А. Н. Майкова.

и революционного движения семидесятых годов, совершенно упуская из вида его характерный роман „Бесы“».²⁰

Не вызвали одобрения у Н. А. Майкова и другие помещенные в хрестоматии авторы. Особый отдел Ученого комитета определил: «...согласно с изложенным мнением члена Майкова признать вышеозначенную книгу непригодною для школьных и народных библиотек».²¹

Приводим также цензорский рапорт, относящийся к 1887 г.:

«Из воспоминаний Достоевского»
 («Дневник писателя», 1876)»

На постоянный двор в 40-х годах приезжает фельдъегерь, бежит в буфет, выпивает несколько рюмок водки, затем садится в приготовленную ему свежую тройку и мчит дальше. Едва отъехал, как он встал и тяжелым кулаком ударил ямщика по загривку без всякой причины, тот ежится, погоняет тройку, но ничего не помогает, удары сыплются равномерно, как удары молота, и хозяин двора рассказывает, что все фельдъегери драчуны, но этого все боятся. Он всегда так дубасит ямщиков без причины, так, для удовольствия.

Теперь езда фельдъегерей по казенной надобности прекратилась; по на смену фельдъегерскому кулаку явилась водка, она подобно кулаку бьет беспощадно, забивает окончательно русский народ. Цензор пахочит рассказ этот неудобным для общедоступного журнала <нрзб.> народного и потому полагает запретить.

Цензор Энгельгардт».²²

В последний раз имя Достоевского встретилось нам в цензурных делах Министерства народного просвещения среди бумаг 1915 г.:

«Отдел Ученого комитета, принимая во внимание отзыв рецензента (проф. И. А. Шлипкина, — И. В.), находит собрание сочинений Ф. М. Достоевского в полном виде неподходящим чтением для учащихся низшей школы и потому не подлежащим допущению в ученические библиотеки низших учебных заведений, но полагает возможным настоящее издание сочинений упомянутого писателя признать заслуживающим внимания при пополнении бесплатных народных библиотек и читален». На документе резолюция товарища министра народного просвещения А. К. Рачинского: «Согласен».²³

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, 1902 г., д. 1903, л. 199—199 об. (см. также ф. 734, оп. 3, д. 99, л. 1919—1923).

²¹ Там же, л. 200 об.

²² Там же, ф. 777, оп. 4, д. 78, ч. III, л. 125 (рапорт вшит почему-то среди бумаг 1899 г.).

²³ Там же, ф. 734, оп. 3, 1915 г., д. 145, л. 2508.

Итак, вплоть до 1917 г. Достоевский оставался для царской власти писателем «нежелательным» для русской учащейся молодежи (и в первую очередь для «низшей» школы, т. е. наиболее разветвленного и демократического учебного института). Мнение о недоступности Достоевского разумению юного читателя достаточно прочно укоренилось в кругах также и высшего педагогического начальства.

И все же «русские мальчики» с упоением читали его великие романы, несмотря на любые педагогические запреты. В посмертном послании Достоевского с цензурой победа в конечном счете осталась на стороне правды.

Ф. И. БВНИН

ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

(Заметки)

В последнее время внимание литературоведов все более настойчиво привлекает важная, но пока малоисследованная проблема воздействия творчества Достоевского на русских писателей конца XIX—начала XX века. Появились работы «Достоевский и Блок», «Достоевский и Л. Андреев», «Достоевский и Горький». Но и по сей день проблема эта разработана недостаточно. Данный этюд содержит некоторые частные наблюдения на эту тему. Не претендуя на обобщающее значение, он иллюстрирует широкое и плодотворное влияние идей и образов Достоевского на последующий ход литературного процесса.

Отголоски «бунта» Ивана Карамазова в рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара»

По содержанию и направленности творчества Короленко был далек от Достоевского. Его литературными «вдохновителями» справедливо считают прежде всего Г. И. Успенского и Тургенева. Находясь под явным впечатлением известной статьи Н. К. Михайловского «Жестокий талант», Короленко весьма критически отзывался о том, что он считал характерным для Достоевского методом преломления жизненных явлений в художественном творчестве. Многие в мировоззрении и творческом наследии Достоевского вызывало у него живейший отпор.¹ За всем тем он высоко ставил автора «Братьев Карамазовых».

¹ Об отношении Короленко к Достоевскому см. содержательную статью: Морозова Т. Г. Короленко критик Достоевского. — Лит. наследство, т. 86, М., 1973, с. 621—642.

В черновом варианте статьи о Л. Н. Толстом (1908) Короленко писал, что русские могут гордиться тем, что «наша родина дала всемирной литературе двух таких писателей, как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, — можно прибавить и третье имя — Достоевский».² В окончательном тексте этой статьи Короленко, отдавая явное предпочтение Толстому, все же отметил, что у Достоевского «местами, как клочки неба в черных лесных озерах, „сверкают“ откровения изумительной глубины и силы».³

Не могли не будить сочувственного отклика в душе Короленко демократизм и гуманизм Достоевского как певца и защитника «бедных людей». В речи Достоевского на могиле Некрасова, которую Короленко довелось самому услышать, наибольшее впечатление на него произвело «то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим <...> голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „господ“. Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа <...> Мне долго потом вспоминались слова Достоевского, именно как предсказание близости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории».⁴

Отвергая многое в идейно-художественном наследии Достоевского, Короленко с большим пиететом писал о нем как о «беспощадном и суровом поэте „униженных и оскорбленных“».⁵ Тема безвинных, ничем не заслуженных человеческих страданий, несовершенства всего существующего уклада жизни, с такой силой воплощенная в главах III—IV книги пятой «Братьев Карамазовых», не могла не волновать Короленко. Она и нашла прямое отражение в произведении, положившем начало широкой известности писателя, — в святочном рассказе «Сон Макара». У Достоевского вопрос о «страданиях деточек», о торжестве зла на земле поднят до уровня важнейшей философской проблемы. Бунт Ивана — это бунт против бога как творца всего сущего. Иван оспаривает важнейшие атрибуты его — благость, милосердие, любовь к людям. Он гневно осуждает все мироустройство как несовершенное и несправедливое. И в мудрой социально-философской притче Короленко основу составляет мотив богоборчества. И здесь человек дерзновенно восстает против бога, вменяя ему в вину свои горести и страдания — и даже свои преступления.

Уже в первых строках рассказа автор дает понять, что речь пойдет не просто о крестьянине из глухой слободки, затерявшейся в якутской тайге, но о фигуре более общего плана: «Этот сон видел бедный Макара, который загнал своих телят в далекие,

² Цит. по статье Т. Г. Морозовой — Лит. наследство, т. 86, с. 626.

³ В. Г. Короленко о литературе. М., 1957, с. 127.

⁴ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 6, М., 1954, с. 199 («История моего современника», часть четвертая, гл. X).

⁵ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1914, с. 360.